

А

КНЯЗЬ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ, или РОССІЯ въ НАЧАЛѢ XVII СТОЛѢТІЯ.

Сочиненіе О. ШИШКИНОЙ.

Часть вторая.

„О такомъ знаменитомъ человѣцѣ
проплака вся земля неутѣшно, и горь-
каго того же рыданія немощно изглаго-
лати днесь“.

Аврамій Палицынъ.

„Отъ древнихъ до новѣйшихъ вре-
менъ Россіи, никто изъ подданныхъ не
заслуживалъ ни такой любви въ жизни,
ни такой горести и чести въ могилѣ!“

Карамзинъ.

А

КНЯЗЬ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

II.

КНЯЗЬ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ,

ИЛИ

РОССІЯ ВЪ НАЧАЛѢ ХУІІ СТОЛѢТІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Да вѣдають потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ Царей великихъ поминають
За ихъ труды, за славу, за добро,
А за грѣхи, за темныя дѣянья,
Спасителя смиренно умоляютъ.

А. Пушкинъ.

Около полудня два человѣка сидѣли на крыльцѣ древней часовни противъ двери, надъ которою прибитъ былъ образъ; края его слиняли отъ сырости, но еще можно было узнать, что это изображеніе Святаго Пророка Іліи. Перила, окружавшія небольшое крыльцо, уныло скрипѣли отъ сильнаго вѣтра, и звукъ этотъ легко могъ нагнать страхъ на робкаго человѣка, тѣмъ болѣе, что часовня была окружена могилами.

По правую сторону кладбища находился дремучій сосновый боръ; по краямъ его временами показывались тѣни лошадей, и, когда онѣ исчезали, слышно было бряцанье конской сбруи и хрустѣли навалившіяся сухія вѣтви. Въ небольшомъ оврагѣ, отдѣляющемъ кладбище отъ лѣса, нѣсколько человѣкъ въ сѣрыхъ зипунахъ спали такъ крѣпко, что издали ихъ можно было принять за кучу камней. Только одинъ изъ нихъ часто вставалъ и съ безпокойствомъ осматривался по всѣмъ сторонамъ, но, не слыша ничего кромѣ скрипа ветхихъ перилъ, движенія привязанныхъ въ лѣсу

лошадей и знакомыхъ голосовъ двухъ путешественниковъ, снова протягивался на жесткомъ одрѣ своемъ. Сначала онъ этимъ тревожилъ сидящихъ на крыльцѣ людей, но скоро они перестали обращать на него вниманіе и продолжали спокойно разговоръ, равно занимавшій обоихъ, хотя они были и различнаго званія. Старшему казалось лѣтъ шестьдесятъ; по длиннымъ четкамъ, привѣшеннымъ къ широкому черному ремню, которымъ былъ онъ опоясанъ, нельзя было рѣшительно сказать, монахъ онъ или странникъ, посѣщавшій Святѣя мѣста; но клобукъ, покрывавшій его голову, не оставлялъ никакого сомнѣнія, что онъ долженъ быть постриженъ. Чрезвычайная блѣдность лица его придавала чертамъ его особенную выразительность, и когда онъ, слушая своего товарища, поднималъ глаза къ небу, его скорѣе можно было почесть духомъ праведника, скорбящаго о бѣдствіяхъ безразсудныхъ людей, нежели человѣкомъ, который самъ окруженъ опасностями. Другой проѣзжій былъ плотный, здоровый мужчина среднихъ лѣтъ. Разсматривая полное его лицо, Лафатеръ сказалъ бы утвердительно, что этотъ человѣкъ можетъ живо чувствовать печаль, но также и легко ее забываетъ и не слѣдуетъ опасаться, чтобы прискорбія сократили его жизнь, или разстроили его здоровье.

— Такъ ты, бояринъ, и не изволилъ видѣть самого Болотникова? спросилъ монахъ.

— Нѣтъ, святой отецъ. Богъ милостивъ, не свелъ меня съ этимъ разбойникомъ; не уйти бы отъ него живому. Сказываютъ, лишь увидить нашего брата, боярина, вѣрнаго слугу Царскаго, такъ и зареветъ какъ волкъ.

— Неужели, Григорій Ѳедоровичъ, онъ впрямь холопъ князя Телятевскаго?

— Какъ же! Я его видалъ небольшого. То—то былъ озорникъ; я тогда говорилъ: держите въ грозѣ этого малаго, не то, какъ подрастетъ, будетъ стоять подъ дорогою, да за то, что теперь его балуете, самимъ вамъ свернетъ шею. Какъ бы ты подумалъ, святой отецъ? И князь и княгиня на меня же прогнѣвались. Они-де знаютъ, какъ управлять своими рабами; да Ванька-то кормилицынъ сынъ, у Ваньки-то боярскій умъ; и понесли такую ахинею, что я взялъ шапку и, не помолясь Богу, вышелъ изъ хоромъ. Вотъ теперь: князь Андрей Андреевичъ самъ изволилъ кланяться Ванькѣ. Ска-

зывать мнѣ жилецъ Иванъ Рѣзановъ, что ему привелось побыть съ ними недѣлку: думалъ, что въ преисподнюю попадѣ; сплошь все грабятъ, рѣжутъ, ругаются! Нѣтъ ничего у нихъ заветнаго и святого. А какъ Ванька-то гаркнетъ, у воеводы борода затрясется, и языкъ прилипнетъ къ небу; да и всѣ князья и бояре, самозванцевы слуги, стоятъ передъ воромъ-холопомъ, какъ бывало мы, въ гнѣвный часъ, не смѣлидохнуть передъ зятюшкою Царемъ Иваномъ Васильевичемъ.

— Сдѣлай милость, бояринъ, Расскажи мнѣ, коли изволишь знать, откуда этотъ супостатъ взялъ такую силу и гдѣ онъ такъ научился ратному дѣлу, что, лишь встрѣтитъ Царское войско, разгонитъ его какъ овецъ?

— Изволь, отецъ Гурій, коли ты ничего не знаешь объ этомъ окаянномъ, я перескажу тебѣ все, что слышалъ объ немъ отъ самого Государя, и что здѣсь извѣстно. Лѣтъ десять, можетъ статься и поболѣе, какъ этотъ злодѣй попался въ неволю татарамъ, которые продали его туркамъ; другому это былъ бы камень на шею, а Ванька прошелъ огонь и воду, не потративъ волоска: самъ сатана помогать ему. Какимъ-то нѣмцамъ, будь они прокляты, стало жаль, что малаго виднаго, проворнаго, всякій день бьютъ какъ скотину; они выкупили его изъ неволи и взяли съ собою въ Венецію, славный городъ въ Италіи. Тутъ нашъ Ванька научился владѣть оружіемъ такъ, что никто не могъ съ нимъ сладить, и, вѣкъ свой бывъ забіякою, убилъ сильнаго князя. Охоты у него не было попасть на висѣлицу, вспомнилъ поневолѣ объ отчизнѣ. Только онъ не хотѣлъ и мыслить воротиться попржнему къ Черниговскому воеводѣ; за моремъ привыкъ жить барски, и за то, что Богу угодно было, чтобы онъ родился у насъ холопомъ, поклялся истребить всѣхъ, кто не согласится чтить его выше себя. Мужикъ онъ рослый, сильный, смерть ему въ копѣйку; лишь онъ показался Самозванцу, тотъ и смекнулъ, что отъ этого бродяги будетъ ему побольше прибыли, нежели отъ бояръ, которые почти всѣ оставили заклады въ Царскихъ рукахъ. По письму Самозванцеву Шаховской отдалъ Ванькѣ скопившіяся въ Путивлѣ разбойничьи шайки. Онъ съ ними и пошелъ впередъ, да впередъ; вчера ждали его въ Переславлѣ Рязанскомъ. Вотъ тебѣ вся сказка, святой отецъ; что будетъ, еще не знаю, а теперь грамотъ Царскихъ не слушаютъ, пословъ не принимаютъ, рать наша бѣжить.